

Екатерина Русина

Душа в чемодане

Записки бортпроводницы

Екатерина Русина

Душа в чемодане.

Записки бортпроводницы

«Издательские решения»

Русина Е.

Душа в чемодане. Записки бортпроводницы / Е. Русина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852099-0

Книга представляет собой дневник бортпроводницы международных авиалиний, начиная с первых дней обучения и заканчивая последними полётами. Вы побываете в суровом Магадане, знойном Бангкоке, на сказочном острове Бали и во многих других местах. Вместе с автором Вы сможете пережить все трудности и радости лётной жизни, узнать многое о самолётах, о внутренней жизни аэропорта, о настоящей дружбе, испытаниях, поисках себя и новых высотах.

ISBN 978-5-44-852099-0

© Русина Е.
© Издательские решения

Содержание

Отправная точка	6
Шаг первый	8
Шаг второй	10
Шаг третий. Отъезд	17
Обучение	18
Вода и суша	27
Пора сдаваться	29
Стажёрские полёты	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Душа в чемодане Записки бортпроводницы

Екатерина Русина

Фотограф Дмитрий Бернар

Фотограф Степан Змачинский

Дизайнер обложки Ольга Ольнёва

Корректор Лилия Макарова

© Екатерина Русина, 2018

© Дмитрий Бернар, фотографии, 2018

© Степан Змачинский, фотографии, 2018

© Ольга Ольнёва, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4485-2099-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Отправная точка

Ночная смена подходит к концу. Невыносимо хочется спать, а звонки никак не прекращаются. Одни и те же вопросы, одни и те же ответы. Почему им всем не спится? Переход на ночные смены отдалил меня от коллектива: раньше мы много общались, ходили за свежими булочками в обеденное время, гуляли около офиса. А теперь я сижу в полном одиночестве по двенадцать часов, и выйти погулять среди ночи в этом районе будет, пожалуй, не лучшей идеей. Зато есть время о многом подумать, пока снова не зазвонит телефон. Бывает жутко, когда желание спать туманит голову, а вокруг пустые рабочие места, будто все бежали от этой сонной эпидемии. Всё это явно не то, чего я хотела. Раньше я думала, что моя жизнь будет интересной и насыщенной, стоит только повзрослеть. Я повзрослела незаметно и живу вроде как «на черновик» – пока так, потом переделаю. Сижу в душном кабинете, делаю работу, которую не люблю. Из-за перегородок между столами создается ощущение, что я взаперти. Я просто человек из коробки, который отвечает по инструкции на вопросы людей из телефона. Я даже не замечу, как наступит рассвет, потому что в кабинете нет окон. Но, надеюсь, хотя бы часы напомнят мне, что он наступил, и я смогу покинуть это место. За час до конца смены время замедляет свой ход, уже никто не звонит – то ли легли спать, то ли ушли на работу. Закрываю глаза, вспоминаю детство, лето в деревне, ужей на реке, кузнечиков в траве, ромашки у дома, весёлый смех моих сестёр... Куда всё это ушло?

Приходит новая смена, и я отправляюсь домой. Мне даже нечего ответить на вопросы коллег о том, как прошла смена. Прошла и ладно. Голова мутная, тяжёлая, хочется скорее уложить её на мягкую подушку и стереть из памяти голоса людей, которые всю ночь задавали мне надоедливые вопросы. А под ногами заманчиво шуршит выпавший ночью снег, и я думаю, что жизнь должна быть больше, чем дорога из кабинета в кровать.

...вот мне десять лет, и мы с сестрой прокладываем лыжню по нашему огороду в родном селе на севере Башкирии, падая, смеясь, не зная, что это время навсегда останется в памяти как лучшее. Я тогда мечтала стать хирургом, но после операции по удалению аппендикса стала с подозрением относиться к врачам. И перестала лечить мягких игрушек на подоконнике. Куда уходят эти наивные дети, и откуда берутся эти глупые взрослые, которые не умеют жить...

В воздухе пахнет Новым Годом. Осталось больше месяца, но всё вокруг говорит о том, что этот Новый Год точно всё изменит. Теперь наверняка.

И всё же мне нравится это ощущение – приходить домой, когда город только проснулся. Плотно закрываю шторы, спрятав от себя новый день, смотрю какие-то потрёпанные чёрно-белые фотографии, сажусь на край кровати и размышляю: а могло ли сложиться иначе? В какой момент всё пошло не так? И вообще, почему мои подруги выходят замуж, думают, как построить семейный очаг, читают кулинарные рецепты, а меня всё куда-то тянет. Заменить бы поток своих философских мыслей на стандартные женские грёзы о принце на белом коне, или хотя бы о новых туфлях. Как мне однажды сказали: «Мозгов бы тебе поменьше, отличная была бы баба!». Грубо, но есть доля здравого смысла. Я слишком много думаю. И, видимо, не о том.

Отоспавшись после ночной смены, не вылезая из кровати в полутьме зашторенной комнаты, включаю случайно подвернувшийся фильм «Вид сверху лучше». Лёгкая, забавная картина про девушку, которой хотелось выбраться из своего маленького города, чего-то добиться. В чём-то и у меня сейчас так. Меня здесь ничего не держит. А многочисленные переезды в детстве напоминают мне, что есть другие города, другие люди, что всё можно изменить в любой момент. Девушка в фильме в итоге становится стюардессой. Сразу после просмотра решаю: надо что-то менять. Хочу работу, где вообще нет компьютеров – я ведь не мужик, сколько можно с ними возиться. Главная идея, которую я почерпнула из фильма – нельзя тратить жизнь на угнетающую бессмысленность, надо обязательно управлять ей, делать выбор. Спра-

шивается, зачем тогда всё это было, восемь лет учебы по специальности, от которой теперь хочу сбежать? Какая разница, я просто хочу пожить иначе. Вот, например, можно пойти работать водителем трамвая – уж точно никакого компьютера. Но, кажется, это не совсем то. Надо ещё кардинальнее. Проводницей в поезде! Да почему в поезде? Можно и в самолёте, как та девушка. Почему бы и нет? Авиакомпания ведь не с другой планеты набирают себе сотрудников.

Лениво ищу в интернете авиакомпании, которые обучают бортпроводников. С ходу нахожу две – в Одессе и в Москве. Никогда не хотела жить в Москве, поэтому начинаю пробовать вариант с Одессой, но там всё сложно. Так и быть, звоню в Москву. У меня спрашивают рост, вес, возраст, образование... Приглашают на собеседование в Москву. Как-то всё быстро. Но я соглашаюсь, спрашиваю, куда и во сколько мне прийти. В конце концов, что мне терять?

Я никогда не была в Москве. Я никогда в сознательном возрасте не летала на самолёте. Вроде, только года в три, но почти ничего не помню. Я ничего не знаю о самолётах, кроме того, что они летают. Я ничего не знаю об авиации, кроме того, что это связано с самолётами. Страшно думать обо всём этом, ведь, по сути, мне предстоит перевернуть всё с ног на голову. Мне двадцать два года. Я лежу в своей небольшой комнате, в растерянности, вымотанная ночными сменами на скучной работе. Какое-то время я снимала квартиру, но потом вернулась обратно к родителям, ведь дома я только сплю, а у родителей как раз пустует моя комната. Как говорится, если нет разницы – зачем платить больше. Но что это за жизнь – сплошная работа, от которой остаются силы только, чтобы поспать? Даже глупый фильм говорит мне о том, что так нельзя.

Да, определённо я возьмусь и всё изменю. Ради той девочки, которая любила слушать стрекот кузнечиков в траве и верила, что жизнь интересна. Итак, для начала надо встать.

На работе без лишних объяснений беру два дня за свой счёт и покупаю билет на поезд до Москвы. Мне даже достаётся удобное нижнее место, дорога ведь долгая, это важный нюанс. К тому же я боюсь ехать на верхней полке – всегда боялась высоты. Надеюсь, это не повлияет на результаты собеседования?

Прямо с работы, после очередной ночной смены, попутка увозит меня из Набережных Челнов в Казань, где ждёт поезд на Москву. Ночь в пути. С четырёх утра сижу у окна и жду, когда всё начнется. Мелькают зелёные заборы, кружится снег, кое-кто уже делает макияж, собирает вещи, складывает постельное бельё. А у меня сердце бьётся, словно мне предстоит выступать на Евровидении. Шесть утра, зима, Москва, Казанский вокзал. Начали.

20 ноября 2007 г.

Шаг первый

На вокзале очень людно, все куда-то тащат сумки, чемоданы, ругаются на разных языках. На секунду останавливаюсь, чтобы спросить себя: «Я точно ради этого вылезла из своего кабинета?». Но это ведь только начало. Надо получать удовольствие от всего происходящего, это же настоящее приключение! Вот, например, вокзальный туалет, где мне предстоит переодеться в костюм... Ладно, пожалуй, радоваться начну чуть позже, пока надо просто подготовиться к собеседованию. Скажем прямо, в кабинке мало места для подобных манипуляций, да и аромат трудно переносимый. Выбегаю, зажав нос, уже в сапогах на шпильках, с лёгким макияжем, в строгом сером костюме. Сдаю сумку в камеру хранения, отправляюсь искать метро. Станция Комсомольская, мудрёные переходы, эскалаторы, указатели, суета, народ, шум...

Поезда со свистом проносятся в обе стороны, а люди как будто не удивлены этому, кажется, я одна стою чуть ли не с открытым ртом и разглядываю равнодушные лица пассажиров. Закладывает уши, мотает из стороны в сторону, а за окнами проносятся целые реки оптоволокон. Люди читают книги, газеты, смотрят в телефоны, спят. А я с интересом их рассматриваю. Они все как будто выполняют установленные правила, о которых я пока ничего не знаю – не улыбаться, не смотреть на других, не разговаривать, делать крайне деловой вид и не выдавать своих эмоций. А вдруг заподозрят, что я чужая? Тут же перед глазами всплывает сцена, как будто все разом поднимают на меня удивлённо-обескураженные глаза, кто-то один с воинственным видом кричит: «Взять её!», – и тут же меня хватают и выводят из вагона. Глупости, наверное, мне просто надо привыкнуть. Или выучить их правила.

Бесконечный эскалатор, как лестница в новый мир, даже виднеется какой-то свет в конце. Семь утра. До собеседования ещё час. На улице мокрый снег, лужи... И я на шпильках, в лёгком пальто, с трясущимися руками, в неудобной узкой юбке, стою на тёмной улице и понятия не имею, переходить ли мне этот широченный проспект или удариться в поиски на этой стороне. Сорок минут блуждаю по обе стороны, ищу офис. Хочется плакать из-за своей неспособности ориентироваться на местности. Кажется, этот магазин я уже проходила. Или нет? Прохожие почему-то откровенно игнорируют мои вопросы. Это Москва такая или со мной что-то не так? На всякий случай оглядываю себя может, я выгляжу как житель Набережных Челнов, и это их пугает? Думают, что я сейчас начну продавать им КАМАЗы и всё такое? Нет, вроде ничем особо не отличаюсь, одета прилично, робы на мне нет, шарахаться от меня не должны. В голове всё ещё стучат колеса поезда, свистят вагоны метро, меня качает в разные стороны. Станный у вас тут ноябрь, у меня даже сапоги вымокли. Я бы поела что-нибудь. И чаю бы горячего. Заглядываю в окно мини-пекарни, там красуются ароматные булочки, хлеб, печенье... Но как только мне удаётся рассмотреть цены, вспоминаю, что мне пора. Дорога странным образом извивается вокруг огромного парка и стройки, снова начинается приступ паники, что я не туда иду. Но вот, наконец, вижу на стене здания табличку с нужным номером, сердце уходит в пятки. Озираюсь по сторонам, поднимаюсь на пятый этаж. Охранник в форме, часы с самолётом, манекены в фуражках – совершенно новая атмосфера.

Совсем недавно я внутренне сокрушалась от мысли, что жизнь проходит зря, но не знала, что предпринять. И вот я сижу в офисе столичной авиакомпании, испуганная, в мокрых сапогах, со стуком колёс поезда в голове, пытаюсь привести себя в порядок, уже без сил и желания объяснять кому-либо, почему я хочу у них работать и откуда меня принесло. Жизнерадостный сотрудник с внешностью актера мыльной оперы задаёт мне каверзные вопросы, как на экзамене. «Почему вы решили связать жизнь с авиацией?». Эм... Хороший вопрос. «Откуда вы? Набережные Челны? Это Башкирия? Татарстан? Вы что, татарка? Непохоже». Железная логика. Зачем-то задаю ему вопрос: «Скажите, а бортпроводники – военнообязанные?». Он продолжает улыбаться, но глаза выдают умиленное удивление: «Нет, а вам хотелось бы?».

Тоже начинаю улыбаться от непонятно зачем заданного вопроса и отвечаю: «Да нет, просто я из военной семьи, папе бы это понравилось». Десять волнительных минут, и я свободна. Десять минут, ради которых я проделала путь в тысячу двести километров. Может, папа и так будет мной гордиться?

В коридоре знакомлюсь с Семёном, начинающим бортпроводником, у которого сегодня первый день учёбы. Семён выше меня на две головы, худощавый, с чёрными, аккуратно подстриженными волосами, симпатичным бледным лицом с тонкими чертами. Его внешность вполне можно назвать модельной, если кому-то нравятся мужские показы мод. Мне – нет. В его голосе явно проскальзывает столичный пафос, хотя откуда ему взяться? Он ведь из Калуги. Да и какая разница, для меня Семён всё равно окружён ореолом таинственности и героизма: он ведь уже зашёл так далеко и является для меня явным авторитетом, страшно интересно разузнать у него массу информации, ведь он уже прошел всё, что мне только предстоит. Обмениваемся телефонами, чтобы взаимно отслеживать судьбу двух начинающих сотрудников гражданской авиации, покинувших родные города ради новой жизни. Нас тут таких на удивление много.

Снова я на улицах враждебной, холодной Москвы. Куда идти... До обратного поезда ещё целый день. Конечно, Красная площадь. Оказывается, не такая уж она большая. Метро. Тычу пальцем в схему и еду по станциям. Иногда чтобы просто посмотреть сами станции, такие разные: построенные в середине прошлого века и современные в стиле хай-тек. Вечером встречаюсь со своей знакомой, Дианой, которая переехала в Москву из Набережных Челнов пару лет назад. Мы сидим в невероятно уютном подвальном кафе «Апшу» на Третьяковской. Это первое место, где Москва кажется мне не такой уж жестокой. Полки с книгами, полумрак, мягкие вышитые подушки, вкусная еда, всё чудесно.

Казанский вокзал, поезд. Уезжаю с тяжёлым чувством – вернусь, не вернусь. С одной стороны, мне не хочется жить в Москве, и знакомство с ней получилось сумбурным. Но раз уж вышло так, то сам город не имеет значения, хочется лишь сделать задуманное, достичь цели. Думаю, вот бы это было в другом городе, в каком-нибудь Волгограде, Самаре... Где угодно. Но мне выпала Москва. Из-за этого ситуация выглядит комично – девочка из глубинки решила покорять столицу. Маленький военный городок Борзя Читинской области, в котором я родилась – это настолько укромный уголок России, что Москва всегда казалась мне вымышленным городом из телевизора. Но и из других городов она не стала мне ближе. А теперь передо мной стоит вопрос о переезде туда.

23 ноября 2007 г.

Шаг второй

Морозное ноябрьское утро. Казань. До дома осталось совсем немного. Автобус до Набережных Челнов уже набит пассажирами. Звонок... Гудки... Голос из трубки мне говорит: «Вы прошли собеседование. Ждём вас на втором этапе». Изумлённо отвечаю: «Спасибо. До свидания».

И тут всё замерло. Сотни мыслей: а что теперь? Как мне отпроситься с работы, чтобы ехать второй раз на собеседование, что им сказать, как я буду проходить это собеседование, и что я буду делать, если пройду второй этап?! Где я буду жить, как я буду переезжать, как, что... Становится по-настоящему страшно от предстоящих свершений. Всю дорогу в голове вертятся путанные мысли, надежды, мечты, отчаяние, сожаление и прочий хлам. И вот я дома, сообщаю родителям, что я прошла. Они явно удивлены. Но в то же время сомневаются – дочь собралась в столицу... Какой избитый номер.

24 ноября 2007 г.

* * *

Несмотря ни на что, через пару дней я снова в поезде на Москву. На работе решила пока особо не распространяться, я ведь сама ещё толком ничего не знаю, просто сказала, что мне снова нужно уехать.

Беспокойно засыпаю с книгой в руках. Мне снится Башкирия, моё секретное место на маленьком островке рядом с домом, где я рыбачила в детстве. Снится, как мы с сёстрами носимся по дому, от нашего топота дрожит посуда в стареньком серванте, от нашего смеха закладывает уши...

Каждое лето родители отвозили меня со старшей сестрой Мариной к бабушке и дедушке в село Байки, в живописную Башкирию, независимо от того, где мы жили на тот момент – через всю Россию на поезде из Забайкалья или из близкой Уфы. Иногда туда приезжали и наши двоюродные сестры, Света и Танюша, и тогда дом превращался в балаган. В дальней комнате мы спали все вчетвером, двое на кроватях, двое на полу. Рано утром тот, кто просыпался раньше всех, начинал игру: «Девочки, я чувствую, что на завтрак блины!». Сонными голосами, прихихливаясь к запахам за дверью, отзывались остальные: «Нет, сегодня яйца всмятку!», «Нет, пирожки с ягодами!». Чаще всего оказывалось, что на завтрак и яйца всмятку («только из-под курицы», как говорит бабушка), и пирожки, и блины, и много чего ещё. После завтрака у нас была масса занятий – сбегать на гору, насобирать цветов, побегать по речке, посмотреть на маленьких рыбок на отмели, поиграть в ресторан во дворе дома, погонять куриц, подразнить петуха, послушать Светины пересказы прочитанных ею книг...

Но Света с Танюшей приезжали ненадолго, а мы с Мариной целых три месяца жили настоящей деревенской жизнью: помогали по хозяйству, собирали ягоды на горах, встречали «табун», как у нас в селе называли стадо коров, коз и овец, которых пастух рано утром вёл в горы и на водопой к реке, а вечером гнал обратно по домам. Марина в детстве была такой взбалмошной, носилась по улицам с мальчишками, просила соседей покатасть ее на лошадях, даже иногда пасла с дедом табун. А я любила побыть одна, повозиться в огороде или посидеть дома за шитьём и чтением. Но особенно мне нравилось ходить на рыбалку. Я собирала маленький рюкзак, сшитый собственноручно, брала с собой высушенную дедом рыбу, огурцы, помидоры, хлеб, простенькие рыболовные принадлежности и отправлялась на реку, что прямо за домом. На островке я могла сидеть часами, в огромных резиновых сапогах, трико, майке и кепке. В маленьком ведёрке под конец рыбалки у меня бывали краснопёрки, пескари, бычки

и иногда хариусы. Даже не помню, о чем я думала всё то время в ожидании, что на водной глади дёрнется поплавок...

Просыпаюсь от невыносимого холода: оказывается, одеяло сползло. Засыпать снова нет смысла, за окном виднеются зелёные заборчики – подъезжаем к Москве. Снова Казанский вокзал, заснеженная тёмная улица, слякоть, тысяча мыслей в голове, витиеватый путь от метро до офиса. Странное утро, второй раз в Москве – вроде и не первый, и вроде тот же чужой город, и та же улица, и неизвестно, доведется ли мне пройти по ней снова. Возможно, это город, по которому я теперь буду ходить каждый день. А, может быть, вернусь в свои Набережные Челны, в душный кабинет, и долгими ночными сменами буду себя успокаивать тем, что хотя бы попыталась. Это удивительно – идти по незнакомому городу, вырвавшись из своей рутины, усталости, однообразия, в одиночку, со смутной надеждой – вдруг теперь всё будет иначе. Сейчас мне это кажется настолько глупым, что даже смешно, но так хочется верить, что это мой путь. Мне хочется чаще собирать чемоданы, как в детстве. Работа в офисе меня просто съедает.

На этот раз провожу в учебном центре полдня. Тесты по психологии, английскому языку, собеседование с руководством. Одна напротив множества людей, которым предстоит решить мою участь. Видно, их смущает мой рюкзак. Поясняю, что я прямо с поезда. У них много вопросов: почему человек с высшим техническим образованием, опытом работы и перспективами в своей области хочет кардинально изменить жизнь; как я представляю себе жизнь в Москве; есть ли у меня здесь кто-то. Хорошо ли я переношу полеты и стрессовые ситуации; умею ли плавать; работала ли когда-либо в авиации. Кажется, всё это сведет мои шансы на «нет». Я уверена только в том, что умею плавать, а остальное – как я могу быть уверена, что хорошо переношу стрессовые ситуации, если ни разу не эвакуировала пассажиров с горящего самолета?

Воробьевы горы, снег, холод, бессильные слезы от перенапряжения. То самое кафе «Апшу» на Третьяковской, книги, записи в дневнике, мысли. Зачем-то пишу на салфетке: «Сегодня я проходила собеседование на должность бортпроводника. Если я появлюсь в вашем кафе снова – значит, у меня получилось». Оставляю её под счетом.

Казанский вокзал, ожидание. Страшно, взбудоражено бьётся сердце – слишком много всего произошло, чтобы быть сейчас одной. Звоню Семёну. Он приезжает ко мне среди ночи на вокзал, чтобы поддержать. Совсем незнакомый человек. Я ему так благодарна, что не бросил. Долго разговариваем, расхаживая среди поездов, он рассказывает о том, как решился пойти в авиакомпанию, как проходит учёба. О том, что раньше его жизнь тоже не была связана с самолётами, а теперь всё крутится вокруг них. Вроде, он совсем не пафосный, как мне показалось при нашей встрече в учебном центре. А ещё оказалось, что он тоже родился в военной семье, и тоже в городе Борзя! Я думала, таких совпадений не бывает. Земляки!

И вот мой поезд. Снова домой. Холодный вагон, спящие пассажиры, которые то и дело бьют меня по ноге дверью тамбура. Беспокойная ночь в размышлениях о жизни, печаль, одиночество, меняющиеся картинки за окном. Дом. Мама спрашивает: «Что грустная, не прошла?». Не могу объяснить, просто грустно. Опять звонок из Москвы... «Вы приняты. Ждём вас на врачебно-лётную комиссию». Я прошла.

28 ноября 2007 г.

* * *

Невыносимо долгие дни до отъезда. Сбор справок – из ПНД, наркологического диспансера; всевозможные анализы, даже такие, о которых я никогда не слышала. После ночных смен – изнуряющая беготня по городу в поисках учреждения, где можно сделать эти анализы

в самые кратчайшие сроки, ведь через два дня отъезд на медицинскую комиссию, времени в обрез. И всё складывается мне на руку, успеваю в последние минуты. От усталости валюсь с ног.

Долгожданный поезд. Снова морозное утро... Казанский вокзал. Толкотня, сотни голов вокруг, чемоданы, таксисты, бомжи. Метро, впервые я на станции Домодедовская. Огромный торговый центр, рынок, бегущие люди и десятки автобусов. Беспомощно смотрю по сторонам, толком не понимая, куда мне идти. Вот он, мой 308-й автобус. Моя первая поездка в аэропорт Домодедово. Самолёты... Заснеженный аэродром, взлёты и посадки. Как сердце замирает – первый раз стою на мосту около здания аэровокзала, глядя на огромные летающие машины, совсем вблизи. От шума закладывает уши. Вокруг каждого самолёта суетятся люди, что-то загружают, выгружают, выносят большие мешки – видимо, с мусором. Пассажиры организованно заходят в автобусы, которые аккуратно везут их по специальному маршруту к зданию аэропорта. Как в муравейнике, только в очень большом. В моем сознании всё ложится на полочки, когда я вижу чью-то слаженную работу. Это так чудесно.

В капюшон залетает снег, руки дрожат в карманах, начинают замерзать ноги. Так не хочется уходить, отрываться от этой картины. Но мне пора.

Здание офиса выглядит солидно, на входе люди в форме курят, пьют кофе и разговаривают на незнакомом мне языке, что-то вроде: «Я только отметилась в резерв, а меня сразу на старт» или «На прямом у нас фулл, прикинь, и аж три сифуда заказано», «Ну где этот экипажный автобус?». Всё заставлено чемоданами, и я кое-как пробираюсь к лифту. По длинному коридору с бежевыми стенами ходят люди в форме, настоящие бортпроводники и лётчики, с какими-то документами в руках, чемоданами. А мой чемодан снова лежит в камере хранения на вокзале, и я пока совсем не бортпроводник. Стою среди них, как испуганный новобранец, рассматриваю. У всех такой сосредоточенный вид, официальным тоном здороваются, задают друг другу странные вопросы: «Ты в резерв?», «Как эстафета?». Мне, определённо, предстоит выучить этот язык.

Кабинет врача находится у самой лестницы, перед дверью стоят человек восемь в лётной форме. Они что, все заболели перед рейсом? На противоположной стене висят большие доски для объявлений, увешанные протоколами, распоряжениями, графиками. На отдельной доске – масса выговоров за халатную сдачу бытового имущества, несоблюдение форменного стиля, нарушение правил поведения в эстафете. Нешуточные тут меры – лишение надбавок, понижение в должности, отстранение от эстафет. Что же такое эстафета, раз в ней бортпроводники могли нарушить правила поведения их и от этого можно отстранить?

Очередь проходит довольно быстро, и лётный врач, пожилой рыжеволосый мужчина, от которого за версту разит табаком, выдаёт мне направление на медицинскую комиссию. У меня всего два дня, чтобы её пройти, надо торопиться.

Возвращаюсь на станцию метро Домодедовская на большом белом автобусе №308 от аэропорта, ищу место отправления автобуса в Авиагородок. На этот раз еду на дряхлой «газельке», которую подбрасывает на каждой кочке, водитель отчаянно матерится. Сначала мы едем какими-то дворами, а потом возникает ощущение, что едем в сторону аэропорта. Но, учитывая мою природную неспособность ориентироваться на местности, допустим, что это не имеет значения.

Авиагородок. Впервые Авиагородок, ещё такой незнакомый. Как большой зал ожидания под открытым небом. Мне нравится эта атмосфера неопределённости и затаённого волнения. Никто ведь не знает, зачем я тут? Может быть, для того, чтобы в ближайшем будущем спешить по этим улочкам с чемоданом, в лётной форме, как и множество прохожих?

Хотя бы здесь без особого труда нахожу нужное здание, наверное, потому что их в принципе в городке не так много. Маленький тесный коридор, очередь, суровый терапевт. Девушка рядом со мной в короткой шубке и высоких сапогах на шпильках говорит, что сей-

час ей должны дать заключение, и она начнёт обучение в авиакомпании «Сибирь». Вид здесь, конечно, у всех измученный, но на каждом лице проскальзывает какая-то наивная радость, ожидание. Не одна я такая авантюристка. Врач задает мне массу вопросов: есть ли у меня хронические заболевания, вредные привычки, бывают ли обмороки, почему я такая бледная... Теперь у меня в руках толстая пачка направлений, куртка, шапка, сумка и весь мир. Я должна это сделать. И снова всё в последний момент, за несколько часов до обратного поезда. Нотации врачей по поводу моих татуировок, бледного лица, низкого давления, маленького веса... Обещаю им, что за полгода наберу нужный вес. Никогда прежде меня не обследовали так тщательно. Наверное, даже у космонавтов попроще.

Врач говорит, что гемоглобин у меня слишком низкий, нужно пересдать анализ. Девочки из очереди советуют мне съесть гранат перед повторным анализом. Потрясающе, где же я возьму сейчас гранат?! В маленьком магазине по соседству его нет, но я принимаю героическое решение – съесть плитку шоколада, вдруг это поможет. Истинно героическое, потому что шоколад я не люблю. Повторный анализ, который выдают мне на руки в лаборатории, по результатам чуть лучше предыдущего. Но врач его не смотрит, ему пора домой. Поэтому он просто подписывает документы.

Долгожданное заключение медицинской комиссии на руках. Я прошла!

Еду на Чистые пруды оформлять медицинскую книжку. «Нет регистрации? Не живете в Москве? А где прописаны? В Татарстане?». Какая им разница?

Снова еду в аэропорт, умираю от голода и усталости, но всё же не могу не постоять десять минут на мосту, с которого так хорошо видно разноцветные самолеты. В здании нашей авиакомпании, которое все называют «служба», словно ничего не менялось: также курят люди в форме, стоят чемоданы, варится кофе в кофейном автомате. К врачу никого. Сдаю все результаты обследований, заключение и еду в Москву, на этот раз быстрее нахожу учебный центр. Заключаю договор... Я принята в авиационный учебный центр. Какой безумный день!

Кафе на Третьяковской – единственное место, где мне хочется сейчас быть. Зарываюсь в расшитых подушках и провожу несколько часов в прострации, размышлениях, анализе всего произошедшего, ожидании поезда. Особенно изумительно здесь готовят картофель в сливочном масле с чесноком и селёдку. За соседним столом сидят пять молодых девушек, пьют домашнее вино и курят кальян. Наверное, они могли бы поговорить со мной, если бы я подошла и рассказала, почему я здесь. Но я не хочу.

Меня обслуживает тот же официант, что и тогда, когда я написала записку. Но он не узнаёт меня.

Возвращаюсь домой, зная, что 22 января мне нужно быть в Москве. С вещами.

* * *

Ночные смены тянутся ещё зануднее, и во всём этом есть только одна радость – каждый вечер, заступая на смену, в кабинете техников меня ждёт записка от друга и коллеги, Сергея Кителя. У нашей фирмы есть свой форум, который я модеррую, а Сергей частенько там бывает под ником Сэр Ёжик. Там мы и начали переписываться, много рассуждая о жизни, о фильмах и книгах, советуя друг другу что посмотреть и почитать. А потом начали обмениваться непосредственно фильмами и книгами в электронном виде, на флэшке. У Сэра Ёжика есть свой ящик в шкафу кабинета техников, там он оставляет флэшку и записку в конце своего рабочего дня, и я их забираю, когда заступаю на смену. А на следующей смене кладу обратно флэшку с новым фильмом и свою записку с рецензией на записанный для меня Сэром Ёжиком фильм. Это гораздо интереснее, чем просто переписка на форуме. Наверное, наше поколение ещё недостаточно влилось в век компьютерных технологий, нам подавай живое общение, бумажные письма, настоящих друзей.

* * *

Несколько дней до Нового Года. Последний корпоративный праздник с коллегами в ресторане «Дольче Вита». Я уже написала заявление на увольнение, пути назад быть не может. Многие смеются, узнав о моей авантюре. Начальница говорит, что когда-то мечтала быть стюардессой, и что я смелая, раз решилась, она вот не смогла. А я ещё не до конца понимаю, что будет дальше. Провожу последние три недели в Набережных Челнах. Нет, совершенно очевидно, что меня тут ничего не держит. Я буду скучать по друзьям и близким, но это меня не останавливает.

* * *

Новогоднюю ночь мы встречаем с форумчанами, в том числе Сэром Ёжиком и Кузьмичом, с которыми я общаюсь больше всего. Мы мало говорим о моём отъезде, главное, что сейчас, в последние три недели это объединило нас ещё больше. Вряд ли мы решили бы собраться в противном случае. Под утро мы гуляем по праздничному городу, кое-где ещё раздаются пьяные крики, звуки открывающегося шампанского, фейерверки. В одном из дворов нас вдруг встречает компания парней. Не знаю, о чем они беседуют с нашими ребятами, но достаётся в итоге Кузьмичу. И вот я держу снег у его разбитого лица. Типичный русский Новый Год.

* * *

Все дела на работе улажены, трудовая книжка завтра будет на руках. Ещё одна ночная смена, после которой я навсегда покину этот кабинет. В последней записке Сэру Ёжику я пишу:

«Сэр Ёжик, привет! Ты сейчас на базе отдыха, отмечаешь получение диплома. Эх! Так рада за тебя. Очень жду твоих рецензий на мои фильмы. Мне нравится, когда ты о них рассказываешь. Страшно подумать, друг, что сейчас я последний раз тебе записываю фильм...

Полтора года. Представляешь, полтора года я работаю здесь. Столько всего произошло, хорошего и плохого... и сейчас я сижу здесь совсем одна и жду окончания моей последней смены, после чего у меня начнётся кардинально другая жизнь. Ещё чуть-чуть и я буду в совсем другой стихии. Я в какой-то мере жажду того одиночества, которое уже попробовала за время прохождения собеседования и медкомиссии – оно тёплое и родное, такое таинственное, отчуждённое, только моё. Я пока не знаю, что буду делать с ним. И в то же время перед глазами мелькает всё то, что я пережила здесь. Нет, я не буду жалеть.

Ты не поверишь, хотелось наорать на кого-нибудь напоследок по телефону, на одного из тех, кто мучил меня глупыми вопросами среди ночи, а вместо того мне впервые в жизни позвонили с благодарностью, причём аж три раза подряд! Это заговор.

Знаешь, Сереж, я когда-нибудь напишу книгу. В сознании постепенно зреет мысль. Ничего не отвечай на это, просто знай, что когда-нибудь я напишу её... и ты её обязательно прочитаешь».

В 07:59, за одну минуту до окончания моей последней смены, на форуме мне приходит сообщение от Сэра Ёжика: «Ну вот и всё, пришла пора достигать новых высот!»

Это утро особенное, по пути домой я блуждаю по сугробам, разглядываю здания, мимо которых я хожу на работу и обратно, и я знаю, что больше не вернусь туда. Сегодня я могу долго спать, до самого отъезда в Москву мне больше не нужно на работу.

15 января 2008 г.

* * *

Настало время прощания. Меня трогательно провожают коллеги по работе, в кафе недалеко от офиса накрыт шикарный стол, все в сборе, даже начальство. Давно мы вот так не собирались вместе, многих коллег я просто перестала видеть из-за ночных смен. У меня абсолютно чемоданное настроение, и такие прощания меня немного напрягают – вдруг что-то не получится? Помню, мы с компанией знакомых как-то провожали одного из наших ребят в армию. Гуляли, как говорится, три дня и три ночи, а в итоге он не прошёл медицинскую комиссию и вернулся домой. Я бы не хотела, чтобы однажды подобное рассказывали про меня.

А потом прощание с моими подругами Рамилей и Машей. Мы провели десять лет вместе, с самого колледжа. Мы общались почти каждый день, не думая, что однажды это может закончиться. Они обе недавно вышли замуж, впереди новая история. А у меня своя история, и я уверена, что она не обязана быть похожей на остальные.

Первый раз я увидела Рамилю в трамвае, когда ехала в колледж. Мне тогда было тринадцать, это был первый день учебы в Техническом Колледже. Она сидела у окна в красивой розовой кофточке, с завязанными узлом густыми чёрными волосами, у смуглого лица болтались выбившиеся локоны, вздёрнутый носик и большие карие глаза выдавали её тонкую натуру, она держала осанку, словно brave офицер на плацу. В её взгляде было что-то наивное, романтическое, немного гордое, неприступное и притягательное. Я сразу поняла – я хочу дружить с этой девочкой. Я подседа к ней, мы познакомились, и с тех пор постоянно были вместе. У Рамили всегда всё получалось, за что бы она ни взялась, и мне это нравилось. Но на втором курсе ей пришлось уйти из колледжа, это было для меня огромным стрессом, я долго плакала. Но мы всё равно часто виделись, делились всеми впечатлениями, мыслями, переживаниями. Сначала Рамиля не очень нравилась моей маме из-за слишком смуглого цвета кожи, но потом поняла, что она – настоящая подруга, такая, с какими связывают сердце на всю жизнь. Мама Рамили работала в парке аттракционов и иногда разрешала нам прокатиться на всём, на чём бы нам ни захотелось. Это были дни полные радости, мы катались на «Летучем Голландце», «Сюрпризе», «Весёлых горках», под конец дня нас уже тошнило, но разве можно было остановиться? Я даже лазила с Рамилей на колесо обозрения, хотя страшно боюсь высоты. Удовольствия мне это не доставило, так как я всё время рассматривала кабинку в страхе, что она упадёт.

Третьего ноября 2007 г. Рамиля вышла замуж за своего бывшего коллегу и хорошего друга Олега. Добивался он её как настоящий рыцарь, преодолевая упорство и капризы прекрасной невесты. Я была свидетельницей и ведущей выкупа на их свадьбе, Рамиля захотела, чтобы на мне было шикарное платье, и я взяла на прокат пышное небесно-голубое платье с золотой вышивкой. За три дня до их свадьбы мне сняли гипс с правой руки, и она ещё плохо действовала после сложного перелома со смещением. Помню, было смешно, когда меня попросили вынести свадебный торт на банкете... Это был чудесный день.

На прощание Рамиля подарила мне дневник, сделанный своими руками из множества обычных школьных тетрадок и твёрдой обложки, аккуратно обшитой плотной тканью цвета античной латуни. На его первой странице были напутственные слова. Теперь мне будет с кем делиться переживаниями в любой точке мира, в любой беде – мой дневник.

С Машей мы тоже вместе учились в колледже, но общались не так близко. Как ни странно, мы особенно подружились уже по окончании колледжа. Маша была самой маленькой по росту

девочкой в группе, она и сейчас выглядит как ученица пятого класса. У Маши длинные светлорусые волосы, тонкие пальчики, добрые голубые глаза. Её твердому, решительному, принципиальному характеру может позавидовать любая девушка. Но при этом Маша – просто олицетворение доброй, понимающей, любящей натуры. Я не знаю, как это возможно, такие люди – большая редкость.

Маша преданно ждала своего жениха Лёшу из армии целых три года, сначала он служил по призыву, потом по контракту. Это было нелёгкое время, я видела, как она страдает, ожидая редких встреч. За неделю до свадьбы Рамили мы, наконец, справили их свадьбу в большом ресторане «Венеция» на берегу Камы. Маша и Лёша оба маленького роста, и в свадебных костюмах смотрелись как очаровательные куколочки для свадебного торта. На их лицах было столько радости, искренней любви, что многие плакали, глядя на их первый танец. Честное ожидание всегда вознаграждается большим счастьем, они это доказали. В тот день у меня ещё был гипс на руке, что вызывало немало сочувствия и умиления у других гостей.

Теперь, когда обе мои подружки в надёжных руках, я могу уехать. Собственно, этого и ждала. Шучу, конечно.

Осталось только прощание с моим форумом, не знаю, кто вместо меня будет его модерировать. Меня называли «мисс супер-модератор» или «краса администрации», это было так мило. Хотя большинство пользователей форума знали обо мне только то, что я – девушка. Но была у нас и своя особо дружная компания, с которой мы встречались вживую, стараясь общаться не только на технические темы. И вот ребята дарят мне цветы, плюшевые игрушки, открытки на прощание с пожеланиями чистого неба... Меня провожают словно на фронт. На последних страницах дневника, который подарила мне Рамиля, они оставляют свои контакты – адреса, телефоны, ICQ. Все мы надеемся, что мой отъезд не отрежет меня навсегда от старых знакомых.

Шаг третий. Отъезд

Собираю сумку. Снова в последний момент: в бурном потоке прощальных встреч было не до того. Ещё не понимая того, что я не просто еду на пару дней, чтобы в спешке пройти собеседование или обследование, а переезжаю. Переезжаю в Москву. Какой кошмар, куда я?! Надо бросить эту идею, проситься обратно на работу и сокрушаться в своей безрассудности. Нет, ни за что.

У вокзала собираются люди с чемоданами, громко разговаривают, курят. Медленно тянется цепочка вагонов. Холодный, уставший поезд. Папа заносит мою тяжеленную сумку в вагон, сидит со мной пару минут и остаётся по другую сторону окна. Обычно мы его провожали то в командировку, то устраиваться на новое место распределения, то на рыбалку или охоту. Теперь моя очередь. Может, от него во мне это постоянное желание куда-то ехать. Долго сижу, не снимая пуховик, смотрю в окно на исчезающий в снежной дали вокзал. Думаю, стоит ли там ещё мой папа. Вспоминаю, как радостно бежала ему навстречу, когда он возвращался откуда-нибудь домой. Может быть, ему сейчас тоже грустно? В сердце то ли волнение, то ли страх, то ли даже жалость. Как бы я ни была уверена в своём решении, от меня отрывается что-то живое. Уезжая на собеседования, я знала, что скоро вернусь, и дома меня будут ждать. А теперь я наедине с собой, со своим решением, с чужой Москвой, с сумкой, в которую плотно запихана моя жизнь. Хочется даже заплакать от неуверенности. А я точно этого хочу? У меня ведь совершенно никого нет в этом городе. Может, я себя накрутила и у меня была не такая уж скучная работа? Все так живут. Может, я слишком много хочу? Хотя всё это уже неважно. Вытираю слезы и открываю книгу. Нечего воду разводить, решено – еду. Ещё не хватало, чтобы кто-то из пассажиров спросил, в чём дело. Как говорится, «Москва слезам не верит».

Казанский вокзал. Приходится просить носильщика донести сумку до камеры хранения. Вроде я не много вещей брала... Еду искать гостиницу. О, эта огромная и непонятная Москва. Почти час блуждаю в районе ВДНХ, потом где-то ещё. Раздражённая и замёрзшая возвращаюсь на вокзал, в туалете переодеваюсь в костюм и еду на учёбу. Не имею даже малейшего представления о том, где можно поесть, чтобы не остаться без копейки в кармане. Покупаю в магазине пирожок и минералку, чувствую себя бездомным, брошенным человеком. А мама бы сейчас накормила меня борщом...

21 января 2008 г.

Обучение

Занятия проходят каждый день с восьми утра до пяти вечера с небольшими перерывами между уроками и часовым перерывом на обед. Еду приходится брать с собой или покупать что-нибудь в магазине, до ближайшего – минут десять дворами, до кафе ещё дальше, но на него у нас и денег нет. Вообще некоторые студенты, видимо, неплохо обеспечены – ездят на машинах, обедают в ресторанах и автоматически вызывают у нас подозрение. Но большинство учащихся, как и в студенческие годы, постоянно голодные и загруженные, напряжённо смотрят в тетрадки и что-то беззвучно бубнят. Только сейчас всё серьёзнее, чем в институте, там нас довольно долго готовили к будущим перспективам, а здесь надо оперативно думать, запоминать и действовать, ведь на нас рассчитывают, нас ждут первые рейсы уже через два месяца. Никаких неудач, прогулов, пересдач и болтовни на уроках, на это просто нет времени.

В учебном классе вместо стульев и парт установлены пассажирские кресла самолёта с обшивкой из плотной синей ткани, стены имитируют фюзеляж с настоящими иллюминаторами и багажными полками, кругом разложены образцы аварийно-спасательного оборудования, в углу стоит телега с разной бутафорией, манекены в лётной форме. Складывается полное, будоражащее ощущение, будто мы готовимся к полёту. Это потрясающе! Когда преподавателя нет в классе, мы стаскиваем фуражку с манекена и фотографируемся на фоне кресел или с кислородными масками в руках.

В коридоре установлены автоматы по продаже шоколадок, бутербродов и сухарей, а также кофейный автомат. В перерывах мы толпимся вокруг них, потому что взять с собой еду или воду всё равно никто не успевает, а кушать хочется постоянно. Ещё постоянно хочется спать, в общем, всё как в недавнем студенчестве. Помню, после получения диплома я пообещала себе, что никогда больше не пойду учиться, так меня нервировали экзамены, зачёты и особенно – если мне вдруг ставили плохие оценки. Это был регулярный стресс ожидания, а написание диплома – так просто высасывание всех жизненных сил из утомлённого мозга. Но, видимо, плохое быстро забывается, и вот я снова пишу лекции и даже радуюсь этому.

Наша группа состоит в основном из девушек, все примерно одного возраста. Мне нравится думать о том, что все мы недавно закончили эпопею с собеседованиями и медкомиссией, что каждый человек из этого кабинета прошёл то же, что и я. Хотя, конечно, не все приехали издалека и, наверное, не все в полной прострации блуждали по станции Домодедовская, пытаясь найти дорогу в аэропорт. Но большая часть всё же приехала невесть откуда: Владивосток, Ханты-Мансийск, Киров, Ереван, Армавир, Ташкент, Кустанай... Мы все такие разные, по внешности, диалекту, поведению, мышлению. И все мы уже объединены чем-то сокровенным. У каждого есть секрет – почему он оказался здесь, но у каждого свой уникальный путь, своя история. Этот путь настолько кардинально отличается от работы менеджером или бухгалтером, что каждый чувствует вокруг себя незримый ореол таинственности. Пусть мы ещё только слегка прикоснулись к этому новому миру, но внутри бьется радостное ожидание, томление, даже лёгкое тщеславие, что мы решились на это. Сложно говорить за других, но судя по разговорам, все чувствуют себя немного особенными. Меня же больше всего греет мысль, что я отважно уехала одна в большой город, несмотря на подколы, насмешки и опасения знакомых, да и собственные сомнения. Я пока ещё ничего особо не доказала, и мне всё ещё страшно, во что же я ввязалась, но я начала, рискнула, пока этого достаточно.

Наверное, именно за счёт этой «необычности» профессии мы довольно быстро становимся сплочённым коллективом, активно участвуем в жизни друг друга, помогаем, объясняем материал отстающим, «тащим» друг друга изо всех сил, поддерживаем, если кто-то начинает сомневаться или впадает в хандру. Всё это понятно, многие живут здесь в непривычных условиях, в неудобной жилой обстановке, в чужом городе и с нашей учебной нагрузкой часто

сдают нервы. Некоторые хотят уйти, не выдержав объёмов изучаемого материала, кто-то просто не может вникнуть или чувствует, что ошибся в выборе профессии. Да, есть и такие, кто уходит. Но большинство держатся, карабкаются, опираются на общий энтузиазм, даже в чём-то одержимость, горение, пылкое желание добраться до того дня, когда впервые можно будет надеть «птичку» (значок в виде крылышек) на новенькую форму. Я как раз в этой группе, мне тоже тяжело, я устаю и иногда впадаю в отчаяние, согнувшись над лекциями, но получаю очередное «отлично» на уроке и радуюсь, как школьница, снова чувствую уверенность и душевный подъём, продолжаю бороться за уже, казалось бы, должное право летать.

Особенно близко мы общаемся с Нарине и Асей, всегда сидим рядом на лекциях, делимся впечатлениями после занятий и громко обсуждаем непонятные детали за чашкой кофе или какао в коридоре. Обычно я не нуждаюсь в компании, даже несколько сторонюсь этого, и в школе у меня не было подруг вплоть до старших классов, но видимо стресс от новой жизни заставляет меня искать опору. К тому же мне чрезвычайно приятно объяснять им что-то по конструкции самолетов, если они не понимают. Возможно, в этом есть что-то эгоистичное или даже честолюбивое. Я как раз из тех, кто с испуганным лицом ждёт, когда его спросят на уроке, ведь «я плохо подготовилась», а потом выпаливает ответ на любой вопрос и самодовольно садится на место с улыбкой вроде «мне просто повезло». Сложно объяснить, почему так происходит, может быть, мне страшно, что, если я получу плохую оценку – надо мной будут смеяться. Но если заранее сказать, что ты готовился «так себе», то и спрос будет невелик. Банальная трусость...

Нарине тоже приехала из другого города специально для того, чтобы стать стюардессой. Её папа работает лётчиком, правда, на сельскохозяйственных самолётах, так что её относительную заинтересованность авиацией понять можно. Нарине небольшого роста, даже чуть ниже меня, и вес у неё точно меньше моего, странно, как она смогла пройти медкомиссию! Ведь даже с моим ростом это было сложно, врачи в один голос говорили, что мой рост – самая нижняя граница допустимых критериев. Зато на собеседовании от неё, наверное, были в восторге, ведь большое внимание уделяется внешности – у неё точёная фигурка, длинные иссиня-чёрные волосы с ровной чёлкой, большие карие глаза с пышными закрученными ресницами, тонна макияжа на маленьком личике с округлым подбородком, всегда немного надутые пухлые губки, аккуратные тонкие пальчики с идеальным маникюром. Она похожа на куклу, правда, часто то ли обиженную, то ли уставшую. Зато если уж ей весело, то её смех всегда заразителен, и особенно умильно выглядят слегка неровные передние зубы, словно у ребенка. Может быть, на медкомиссии ей дали положительное заключение просто потому, что не смогли отказать. Видно, что Нарине росла, окружённая вниманием и заботой, и что нынешние условия навевают на нее печаль. И во время этой печали Нарине опускает свои длиннющие ресницы, надувает губки, и я представляю её в шикарном национальном платье, с белоснежной фатой, скромно прячущей взгляд от жениха. Как только случилось, что эта милая красавица вырвалась из родной Армении?

У нас в группе есть ещё одна девушка с необычным именем Ранó, она ростом ещё меньше Нарине и мне тоже абсолютно непонятно, как ей удалось получить положительное заключение медкомиссии. Ранó, как ни странно, старше большинства из нас – ей уже около 30 лет! А на вид можно дать только 12 из-за маленького роста и приятной внешности. Лицо у неё всегда сосредоточенное, умное, с легкой улыбкой, волосы аккуратно собраны, осанка железная, а пальчики маленькие, как у первоклассницы. У неё есть муж и сын, они с семьёй снимают квартиру где-то в Подмоскowie. Характер Рано настолько славный, что общаться с ней одно удовольствие, по крайней мере, для меня – она тоже в каком-то отношении перфекционист, характерная «отличница», скромная, милая, но при этом решительная и настырная, с глубоким чувством справедливости. Плохие оценки, которые ставят ей очень редко, она переживает всем сердцем, иногда даже со слезами, но не вызывает к жалости или состраданию – просто искренне мучается

от неоправданных ожиданий и волнения, которое мешает ей показать преподавателям, что она на самом деле выучила всё от корки до корки.

Будущим бортпроводникам из других городов предоставляется проживание в гостинице, в живописном районе недалеко от метро «Домодедовская». Те, кто не нашел себе временного жилища в Москве, обосновались там на время обучения, по два-три человека в номере, что также сближает нашу группу.

Ася тоже родом не из Москвы, но живёт здесь уже около года, в квартире своего молодого человека на окраине города. Рост и вес явно позволили ей пройти медкомиссию без особых проблем, она даже чуть более плотная, чем остальные девушки из группы. Ася очень весёлая, громкая, болтает без умолку, и с ней уж точно никогда не станет скучно, бывает только, что мне хочется сосредоточиться на учёбе, а она меня отвлекает. У неё короткие волосы, по всей видимости, много раз окрашенные, всегда неухоженные и сложенные в крошечный хвостик как попало. В её жизни, судя по всему, тоже всё сложено как попало, она то и дело жалуется на проблемы между своими шутками и рассказами. Наринэ гораздо проще с ней общаться, она тоже любит поболтать, а я часто хочу помолчать и побыть одной. К тому же во мне мало сострадания к мелким проблемам других людей вроде «мой парень меня не понимает» или «почему волосы секутся». Наверное, поэтому девочки никогда со мной не дружили – мне всегда было всё равно, сколько стоит платье или каким цветом покрасить ногти.

И, конечно, Кристина – высокая стройная блондинка, с длинными выющимися волосами, мягкими и красивыми как у куклы Барби, которые постоянно выбиваются из причёски и свисают на лицо пушистыми локонами. Её внешность на самом деле кукольная, почти модельная. У неё деланный тонкий голосок с нотками женской беспомощности, невдумчивый поверхностный взгляд, даже несколько надменный, грубо очерченные губы, которыми она при разговоре очень старается шевелить изящно и медленно, всячески привлекая внимание к своему лицу. При этом она вполне способна на грубость, дерзкие замечания или крепкие словца, что никак не вяжется с её внешностью. Кристина живет у подруги в центре Москвы, но, кажется, не очень этим довольна – любые вопросы на эту тему её раздражают.

* * *

На занятиях в наши головы загружают массу неизвестной для нас ранее информации – воздушное право, полётная документация, конвенции... Всё это кажется параллельным миром, который существовал всегда, но мы его почему-то не видели. В моём случае могу сказать, что считала его потусторонним, которого я физически не могу коснуться. Теперь же завеса неизведанного понемногу открывается, и мы чувствуем себя причастными к чему-то великому, важному и грандиозному.

На технологии обслуживания нас учат организации работы в буфетно-кухонной стойке, в салонах экономического и бизнес-классов с учётом длительности полета. Я и не думала, что может быть так много нюансов в процессе подачи питания или встречи пассажиров. Пока сложно представить всё это на практике, мы ведь ещё даже не были в самолете. Заучиваем названия оборудования, очередность действий, особенности «приоритетных» рейсов авиакомпании, играем в стюардесс и пассажиров, предлагая игрушечные напитки и дорожные наборы, коверкаем названия продуктов на английском языке. А ещё, оказывается, в самолете НЕТ ПАРАШЮТОВ. Зато есть топор и огнеупорные перчатки.

Наконец, мне известно, что «фулл» (англ. «full» – полный) – термин, услышанный мной в разговоре бортпроводников у здания офиса в мой первый день в аэропорту, означает полную загрузку борта, когда все посадочные места проданы пассажирам. А загадочное слово «сифуд» (англ. «sea food» – морская еда) означает специальное питание, состоящее из морепродуктов, рыбы, овощей и иногда риса. Вообще бывает много видов специального питания,

которое пассажир может заказать совершенно бесплатно за сутки до рейса, если, конечно, он знает о такой возможности. Можно заказать даже кошерное питание! Преподаватель говорит, что религиозные евреи часто требуют его на борту, не зная, что надо было заранее его заказать, и по этому поводу бывает немало скандалов. В экономическом и туристическом классах питание грузится всегда из расчёта количества проданных билетов, как правило, два вида блюд поровну, но дополнительно грузится также «baby meal» (англ. «детское питание»), если пассажир при регистрации указал, что полетит с маленьким ребенком. А в бизнес-класс загружается несколько видов блюд, по количеству с запасом, чтобы если все пассажиры захотят есть мясо, им хватило. Также на многих рейсах на борт загружается отдельная телега со спиртными напитками для продажи, и ответственный за торговлю бортпроводник принимает всё по пересчёту и накладной, а в конце рейса сдаёт остатки, вырученные деньги и заполненную накладную.

В рейсе каждый бортпроводник отвечает за определённую дверь и обязанность. Отвечать за дверь – значит, по приходу на борт первым делом досмотреть её на целостность и нахождение селектора в положении «ручное». Это значит, что при открытии двери не надуется аварийный трап, находящийся внутри двери. Перед взлётом все двери переводят в положение «автомат», тогда при открытии двери откроется и надуется спасательный трап или трап-плот (на больших самолётах). Также бортпроводник должен встречать около своей двери пассажиров, если она открыта; перед взлётом переводить её в положение «автомат», а после посадки в «ручное»; в случае аварийной ситуации эвакуировать пассажиров из зоны своей ответственности через эту дверь. Для каждой двери зона ответственности, как правило, обозначается номером прохода и интервалом рядов. Эту зону бортпроводник обслуживает во время рейса – встреча пассажиров и помощь в размещении, обслуживание, эвакуация из этой зоны в случае аварийной ситуации. Двери может на бортпроводника и не хватить в случае, когда численность экипажа больше, чем количество дверей. А обязанность в рейсе есть всегда у каждого бортпроводника, если только он не летит в качестве стажёра. Обязанности могут быть следующие: бытовое имущество, бортовое питание, аварийно-спасательные средства, коммерческая загрузка, торговля (иногда вместе с какой-либо ещё обязанностью), портативные плееры (если есть, как доп. обязанность).

Ответственный за бытовое имущество принимает контейнеры и коробки с салфетками, туалетной бумагой, подголовниками, стаканами и кружками, мыло, пледы, подушки и т. д. Все это необходимо посчитать, проверить и подписать документы, затем раздать нужные предметы службе экипировки, чтобы они разложили туалетную бумагу, мыло, бумажные полотенца в туалеты и развесили подголовники. Сам бортпроводник размещает пледы и подушки где придётся – на багажных полках, на свободных рядах кресел и т. д. По окончании рейса нужно пересчитать все остатки, заполнить накладную и сдать всё наземной службе по прилету.

Коммерческая загрузка или как это у нас называют «груз-багаж» – это приём всего, что необходимо перевезти на данном рейсе – багаж, груз, почта, дипломатический багаж в сопровождении курьера, оружие, животные и птицы, груз, досылочный багаж (который был забыт с какого-то рейса).

Ответственный за бортовое питание принимает телеги с подносами, лимоны, напитки, молоко, лёд и т. д. Он же обычно является старшим эконом-класса, ему делают доклады все остальные бортпроводники эконом-класса, а старший докладывает шефу, например, о готовности салона к взлёту или посадке, или о завершении обслуживания питанием. Перед рейсом он должен проверить заправку самолёта водой, проверить работоспособность водонагревательных приборов, печей. Как правило, питание в бизнес-классе принимает другой бортпроводник или шеф, также там отдельно нужно посчитать и проверить фарфоровую посуду, стеклянные бокалы и металлические столовые приборы. В эконом-классе вместо металлических приборов

выдают «тройки» – это пластиковая ложка, вилка, нож, сахар, соль, перец, зубочистка, влажная салфетка в упаковке, всё это завернуто в фирменную бумажную салфетку.

Ответственный за аварийно-спасательную подготовку проверяет все аварийно-спасательные средства на борту, либо, если это большой самолёт, то у него есть помощники. Проверить нужно расположение на своих штатных местах кислородных баллонов, радиостанции, огнетушителей, фонаря, топора, огнеупорных перчаток и т.д., в том числе в кабине пилотов. Проверяется работоспособность аварийного освещения, лампы-указатели выходов. Также нужно проверить исправность ремней безопасности на пассажирских и экипажных сидениях, наличие дополнительных ремней-удлинителей, детских ремней, аварийно-спасательных жилетов, инструкций к воздушному судну для каждого пассажира, демо-комплекты для каждой зоны, с которыми бортпроводники будут вести демонстрационный показ аварийно-спасательных средств перед взлётом.

* * *

Интересно, что существует такая система «Коспас-Сарсат», которая занимается обнаружением сигналов бедствия, подаваемых пострадавшими посредством радиомаяков или радиостанций. Некоторые из этих средств позволяют системе «Коспас-Сарсат» обнаружить источник сигнала в течение получаса! Но, конечно, чтобы она начала поиски, кто-то из членов экипажа должен выжить и правильно подать сигнал о бедствии. И этому мы здесь тоже учимся!

* * *

Загадочное слово «эстафета», как оказалось, означает командировку – после полёта продолжительностью более шести часов в одну сторону экипажу положен отдых в аэропорту прилёта. Минимальное время отдыха обозначено правилами полёта и отдыха, но чаще всего времени даётся гораздо больше, в зависимости от того, когда по расписанию должен прилететь следующий рейс. Прилетевшая бригада отдыхает в гостинице, а затем её сменяет следующая бригада, прибывшая очередным рейсом. В авиакомпании есть сборник правил поведения в эстафете, причём для каждой страны могут быть свои нюансы – в восточных странах нельзя носить сильно открытую одежду, в Тайланде нельзя плохо отзываться о королё, а в Индии нельзя соглашаться на предложения местных жителей купить наркотики. Вообще на такие предложения лучше нигде не соглашаться.

В голове всё больше новых понятий вроде «сверхнормативный багаж», «договор воздушной перевозки», «коммерческая загрузка». А также масса команд и необходимых слов на английском, многое надо знать наизусть. Мы читаем вслух информацию о снижении, прибытии, турбулентности и т. д. на русском и английском языках, а нас всё поправляют: «Следите за интонацией! Чётче произносите слова!». Хотя здесь пригодились мои многочисленные олимпиады по английскому в школе и колледже.

Нас заставляют орать команды так громко, чтобы было слышно на первом этаже здания. Наверное, первый этаж нас ненавидит.

Медицинское обслуживание у нас ведёт настоящий профессор, добрый седой дяденька лет шестидесяти с отличным чувством юмора. Теперь мы знаем, как распознать обморок, коллапс, инсульт, инфаркт или напряжённый пневмоторакс. Нам даже рассказывают, как принимать роды. Не хотелось бы мне это практиковать. А ещё есть разные виды гипоксии, высотная болезнь, тахикардия, стенокардия и куча других ужасов. К тому же нам рассказывают о перегрузках, шуме и вибрации во время полёта, не так-то всё просто и безопасно. Даже пассажиры часто устают во время рейса от воздействия всех этих факторов, что говорить о бортпроводниках, которые всё это время проводят стоя, да ещё и на каблуках. Кроме парней, конечно.

* * *

Кстати, о каблуках. На занятия мы должны ходить в классическом чёрном костюме, белой блузке и чёрных туфлях. С костюмом справились все, но перед нашей группой будущих стюардесс встает настоящая проблема – найти «форменные» туфли. Подразумеваются чёрные туфли на широком каблуке высотой 4—6 см, без какого-либо оформления брошками, стразами, декоративными швами; с закрытым носом и пяткой, четкой классической формы. Кто бы мог подумать, что найти такие туфли окажется колоссальным исследовательским трудом. Каждая девушка из нашей группы искала по всем магазинам в районе своего места жительства, но везде оказывались только туфли с какими-либо украшениями, застёжками, цветными нитками по бокам, и всё это по бешеным ценам. Нам, студенткам, предстоит найти самые недорогие туфли самого классического образца. Как выяснилось, простые классические туфли стоят дороже, чем модные, со всякими наворотами. Когда наши поиски зашли в тупик, и мы уже почти отчаялись, получив множественные замечания по неформенной обуви, в учебном центре объявились учащиеся предыдущей группы, которые уже проходили стажёрские полеты. У них мы выяснили множество интересующих нас деталей, в том числе то, что на Кантемировской есть огромный магазин обуви, и там есть такая, как нам нужна.

В тот же день после занятий мы целой группой отправляемся за добычей, на которую, честно сказать, у меня почти нет денег. Торговый центр, и правда, невероятных размеров, стенды с обувью тянутся в длину футбольного поля. Мы разбредаемся по этому «стадиону» в поисках самой страшной обуви, ведь только на ней нет никаких прибаамбасов. Через полчаса некоторые одноклассницы уже радостно машут мне заветными туфлями и бегут на кассу, но моего размера нет, 39-й здесь явно не в ходу. В самом углу магазина я, наконец, нахожу ужасно некрасивые, немодные, «бабушкинские» туфли – чёрные, кожаные, без украшений, на устойчивом каблуке нужной высоты. И они мне как раз! Я уже хочу обрадоваться, но вспоминаю, что цена, которую я сейчас увижу, может всё испортить. Однако цена не только не убивает моей надежды, но удивляет меня невозможностью своего существования в Москве – они стоят 210 рублей! На эти деньги можно три раза съездить на автобусе от метро «Домодедовская» до аэропорта! Это не цена, это практически бесплатная обувь! Через час мы всей группой выходим из магазина с новенькими коробками, гарантирующими нам отсутствие дальнейших замечаний по форменным туфлям.

* * *

Каждый раз после учебы я оказываюсь в той же чужой Москве, и не верится, что учебный класс тоже принадлежит ей. Кажется, что он находится в другом измерении, где я в своей тарелке, наполненной будоражащей новизной авиации. А за стенами учебного центра всё такое враждебное и неизвестное, что на душе сразу становится тоскливо и одиноко. Вот бы уроки не кончались. На душе какая-то студенческая неустроенность, беспокойство, напряжение. Мы все в полной зависимости от результатов экзаменов, нам нужна работа и деньги, в Москве нет ничего бесплатного. Постепенно чувство неизвестности усиливается и давит, заставляя волноваться перед сном, вместо того, чтобы усиленно учить материал. Возникают печальные мысли – а что, если не сдам? Для сдачи повторного экзамена нужно снова пройти обучение, а это ещё два месяца, и жить в гостинице уже никто не оставит. Мой энтузиазм теряет обороты, но я стараюсь не поддаваться унынию и всячески убеждаю себя в успехе.

На занятиях во мне каждый раз просыпается жгучий интерес и даже азарт, но после них – страх и неуверенность. Мы смотрим видеоматериалы о разных видах авиакатастроф, анализируем действия экипажа, обсуждаем. Не должно быть никакой возни и произвола, на всё

есть чёткие инструкции. Уф, как много информации. А что если я не смогу? Ну, по крайней мере, эвакуация, надеюсь, будет не каждый день.

По вечерам я записываю в дневник, подаренный Рамилёй, свои переживания и сомнения. Иногда он – это всё, что связывает меня с домом.

* * *

Нам дают первую стипендию! Для Москвы это небольшие деньги, хватило бы только на оплату двух суток номера в гостинице. Но для нас это первый результат, и мы с Нарине идем в армянское кафе недалеко от учебного центра, она уже была там пару раз и неоднократно нахваливала местных поваров. Приходится довериться и попробовать новую для себя пищу. Кафе оказывается на удивление уютным, с каменными столами и деревянными стульями, белыми скатертями, отливающими яркостью красных стен и глиняной посудой. Мне даже кажется, что нам здесь искренне рады, а это в столице бывает нечасто. Нарине чувствует себя как дома, наслаждается армянской музыкой и открыто сожалеет о том, что стипендия не позволяет обедать здесь каждый день.

Мы пробуем традиционный кчуч из баранины и восхитительный хаш. Вообще-то я не люблю баранину, но здесь она приготовлена отменно. Даже цены в этом кафе явно немосковские, может быть, потому что местоположение не очень удобное, далеко от центра и глубоко во дворах. Своё тянется к своему, сама бы я, конечно, никогда не обнаружила это местечко. Пусть это будет нашим первым маленьким путешествием – в гостеприимную Армению, пока мы ждём окончания учёбы и начала первых полётов.

* * *

Чудом мне выпадает счастье познакомиться с супругами Катей и Вовой, и я переезжаю жить к ним на пару недель, так мы договариваемся сначала. У них двухкомнатная квартира на конечной станции одной из веток метро, меня они селят в зале.

Катя младше меня, но этого ни за что не поймёшь с ходу, так как она не по возрасту эрудированная, активная, увлекающаяся и разносторонняя. Я на её фоне выгляжу несмышлёной девчонкой. Сначала мне даже кажется, что ей будет со мной скучно, но она проявляет необычайный интерес ко мне и моей учёбе. У неё длинные русые волосы, обычно она заплетает их в две косы, напоминая мне меня – большую часть жизни я носила длинные волосы и мучилась с уходом за ними. Вообще до знакомства с ребятами у меня было предвзятое отношение к москвичам, что и говорить. На самом деле они такие дружелюбные.

Вова постарше нас обеих, очень добрый и открытый, всегда готовый выслушать. У него тоже длинные волосы, улыбающиеся миндалевидные глаза, и ростом он чуть ниже Кати. Вместе они занимаются организацией рок-концертов.

Впервые Москва предстает передо мной как город, в котором живут люди в обычных домах, квартирах, а не просто как город, в котором есть метро, Красная Площадь, гостиницы и запутанные улицы. В моей комнате есть балкон, и вечерами после занятий я люблю наблюдать, как под окнами собираются мужики с пивом, обсуждают политику и жизненные трудности, кто-то выгуливает собак, кто-то в обнимку петляет под деревьями. Словом, обычная жизнь. Совсем даже не другой мир. Интересно, а эти люди знают, что есть город Набережные Челны и что люди там делают всё то же самое?

В детстве я всегда была аккуратной девочкой, с вечера складывала на стул школьную форму на завтра, чистила туфли, делала досконально каждое домашнее задание. Что же случилось со мной сейчас, непонятно. В квартире Кати и Вовы у меня всё валится из рук, я всё ломаю. Началось с того, что я разбила пару кружек. Потом пыталась посмотреть, кто звонит

в дверь, и сломала задвижку на глазке. Катя постоянно шутит надо мной, приходя домой: «Ну, что на этот раз?». Остаётся только посмеяться вместе с ней, потому что нет ни объяснения, ни оправдания моим конфузам.

С каждым днем я всё больше узнаю об авиации, это затягивает с головой, днями и ночами учу конструкцию самолетов, аварийно-спасательную подготовку, технологию обслуживания, авиационную медицину, правила перевозки опасных грузов и прочее. Всё в подробностях рассказываю ребятам, а они, так как тоже никогда не были связаны с авиацией, слушают с нескрываемым интересом и многому удивляются. У них много своих дел и они устают после рабочего дня, но всегда меня слушают и поддерживают. Мне кажется, я не смогла бы вместить столько новых знаний, все они укладываются в моей голове аккуратно и систематизированно только потому, что я каждый день пересказываю их ребятам.

Но я всё ещё чувствую себя чужой в этом огромном городе. В метро я смотрю в тетрадь и повторяю пройденный материал, украдкой поглядывая на строгих пассажиров. Кажется, они всё ещё могут меня рассекретить. Иногда мне хочется каждому из них рассказать, почему на крыле с одной стороны фюзеляжа навигационный огонек зелёного цвета, а с другой – красного. Улыбаюсь, если замечаю, что кто-то из них удивлённо смотрит в мою тетрадь и начинает читать. И расстраиваюсь, когда он отворачивается. Неужели ему не интересно, как работает аварийная радиостанция?! Хочется подсесть к кому-нибудь и рассказать, как я устала от постоянных зачётов, проверок, замечаний, или как на занятиях по сервису мне сказали, что у меня маленькие глаза, и я наношу неподходящий макияж. Как так! Мне всегда говорили, что у меня огромные глаза... И как отчаянно я хочу пройти через всё это, что ни за что не сдамся, что у меня одни пятерки! Рассказать, как я впервые брела к зданию офиса по мокрому снегу на шпильках. Но, наверное, они меня не поймут. Какой нелепый парадокс – я среди сотен людей, и никому не интересно, чем я живу. Хотя надо заметить, что и мне не так интересно, куда они едут.

* * *

Сегодня мне исполняется двадцать три.

Всё ещё живу у ребят, хотя прошло уже почти два месяца. Видимо, от усталости я спала как танк, потому что не слышала, как ночью они украсили мою комнату воздушными шарами. Как здорово – в любом возрасте приятно иметь «свой день» и знать, что есть люди, которым это важно.

Сегодня среда, мне пора на учебу. В метро меня зажимают суровые лица, толкают, ругаются, не хотят читать про способы реанимации в моей тетради. Но сегодня мне всё равно. У меня ведь День Рождения.

Мы сдружились с Катей и Вовой, я делюсь с ними всем, что происходит, они меня очень поддерживают. Но пора мне подумать об отдельном жилье. Надо только начать летать, потому что на стипендию учебного центра это невозможно. А чтобы начать летать, надо собрать все силы и сдать экзамены.

Катя и Вова часто берут меня с собой на рок-концерты, и я могу немного отвлечься от своей безумной учёбы, вспомнить, что и до неё как-то жила. У них дома часто бывают гости, и я люблю слушать их беседы про музыку, рок-группы, концерты, поездки. Вообще я иногда себя чувствую их ребёнком, настолько они более взрослые.

В свободное время я пишу ребятам с форума, рассказываю про жизнь в столице, про новых знакомых, про метро и удивительные станции. Рамиля и Маша переживают за меня, но верят, что всё получится.

Как-то мы с Рамилёй ездили к её деду в деревню. Шагит бабай оказался таким добрым, открытым человеком, что мы проговорили весь вечер. Выяснилось, что он когда-то служил

в Борзе – а значит, я нашла ещё одного земляка. Мы с Рамилей ходили в баню, парились берёзовыми вениками, а потом вместе с Шагит бабаем пили «первачок», самогон первой стадии перегонки. Такого мне ещё не доводилось пробовать! Мы пробыли там всего сутки, а воспоминания сохранились на всю жизнь. Рамиля недавно писала, что рассказала Шагит бабаю про мою авантюру с самолётами. Он так обрадовался, просил передать, что гордится мной, и что у меня обязательно всё получится. Я стараюсь чаще вспоминать его слова.

Я обещала врачу набрать вес, но пока ничего не выходит. С таким режимом я вообще забываю поесть. Не хочется отвлекаться ни на что, скоро экзамены, и я должна быть уверена в каждом слове из учебной тетради. А иногда у меня просто нет денег, чтобы нормально поесть.

12 марта 2008 г.

Вода и суша

Спустя три дня у нас «суша», первая практика по отработке навыков эвакуации в поле на списанном самолёте в аэропорту Домодедово. Наша группа радостно носится по изношенному салону, кричит команды, эвакуируется по аварийным трапам, смотрит на взлетающие прямо под носом самолёты. Отрабатываем действия при пожаре в печке, туалете, багажной полке. Всё это как игра, но очень захватывающая – кто знает, может, однажды эти знания надо будет оперативно применить в жизни. Думаю, мало кто об этом мечтает, но мы должны быть всегда готовы. Я стою на крыле самолёта и представляю испуганных пассажиров, которым я объясняю, как надо правильно спускаться с крыла на землю. Наверное, каждый из нас на секунду ощущал себя спасателем. Вряд ли это плохо – этой работой надо гореть, иначе она быстро станет выматывающей рутинной. И я горю, я так хочу знать всё, скорее получить свидетельство бортпроводника гражданской авиации и смотреть в иллюминатор настоящего, рабочего самолета, встречать настоящих пассажиров, чётко отвечать на любые вопросы инструкторов... Мне нравится, что в авиации всё конкретно и ясно, нет ни одного случайного элемента. Как в армии!

На улице середина марта, а солнце светит так ярко, будто самый разгар мая. Оно блестит на фюзеляжах взлетающих самолётов и в наших глазах. Сегодня мы стали ещё на шаг ближе к новому этапу жизни, к мечте. Уже реже меня посещают дурные мысли, и я всё больше позволяю себе радостно предаваться новшествам своей жизни.

15 марта 2008 г.

* * *

Через пару дней мы отправляемся в далёкое Шереметьево на «воду» – отработка навыков эвакуации и выживания в воде. Нужно успеть к восьми утра, мы с группой встречаемся на станции метро «Речной вокзал» в половине седьмого. И, тем не менее, приезжаем в последний момент, так как попадаем в невероятную пробку. Говорят, пробка на пути к Шереметьево – обычное дело, жаль, что мы не знали этого раньше. Дергаемся, выглядываем в окна автобуса, оттирая иней, замерзаем и нервничаем. Наконец, мы на нужной остановке, остается всего десять минут до начала занятий, а нам ещё надо найти здание и переодеться! Здание не так-то просто идентифицировать на местности, и мы нервно кружимся между серых стен. Забегаем в раздевалку в последнюю минуту, не успев отдышаться, начинаем натягивать купальники на замёрзшие тела.

Бассейн просто огромный, я таких ещё никогда не видела. Глубина около десяти метров, длина около пятидесяти – кажется, что мы в открытом море. Стоим в купальниках и шлёпках, по коже бегают мурашки, волосы встают дыбом прямо под плавательной шапочкой. Мы не можем друг друга узнать в этих нарядах, но смеяться не тянет из-за пробирающего насквозь холода. В центре бассейна плавает спасательный плот, на бортиках лежат спасательные жилеты. Для начала мы по команде прыгаем в воду и просто плывем от одного края бассейна до другого. Выясняется, что пара человек вообще не умеет плавать, хотя это обязательное условие при приёме в учебный центр. Как ни странно, наш строгий преподаватель к ним довольно лоялен, разрешает попытаться плавать на небольшой глубине. Потом мы прыгаем по двое и «спасаем» друг друга, неуклюже придушивая своих жертв, то есть спасаемых, которые рады бы спастись сами, чем терпеть эту пытку, но таковы правила. А дальше уже сложнее – надо бросить упакованный спасательный жилет в воду, вперёд от себя, потом прыгнуть вслед за ним, за 60 секунд развернуть его, надеть и надуть. Если бы ноги не коченели от холодной воды, мы бы, наверное,

смеялись куда больше, ведь всё это очень весело. Скоро мы становимся похожими на цыплят с синими губами, укутанные в жёлтые жилеты и замёрзшие. Много раз отрабатываем способы погружения в воду, с жилетами и без. Мне хочется нырять и нырять, я так это люблю. Кто-то визжит от страха и отказывается нырять по центру бассейна, где самая большая глубина, и я тут же радостно несусь на замену, скользя шлёпками по мокрой плитке. Под конец мы отрабатываем погрузку пассажиров в спасательный плот, кричим команды, кое-как шевеля замёрзшими губами, запикиваем друг друга и себя под тент плота, прижимаемся друг к другу мокрыми тельцами, замираем, пытаемся согреться до следующего погружения. И вот самое интересное – выживание на воде. Мы крепко берёмся за руки и организуем живой круг на воде. То замираем, близко прижимаясь, чтобы образовать чёткую фигуру и сохранять тепло, то начинаем кричать и изо всех сил бить ногами по воде, чтобы привлечь внимание якобы пролетающего над нами самолёта. Эта кульминация даёт нам столько адреналина, настоящего, отчаянного желания выжить, что мы на какое-то время забываем о холоде.

Наконец, нас отпускают в душ. Пальцы ног совершенно ничего не ощущают, руки чисто автоматически размазывают шампунь по волосам. Заворачиваюсь в полотенце и присоединяюсь к одноклассникам, жадно пьющим горячий чай и уже пытающимся шутить. Жаль, что нас никто не фотографировал, так хотелось бы посмотреть со стороны на живой круг жёлтых жилетов и на спасательные операции! Несмотря на усталость, мы очень довольны, благодарим нашего преподавателя за эту незабываемую тренировку, а он хвалит нас, что мы не заныли от холода и справились с программой. Я не могу перестать улыбаться, хочется вернуться в бассейн и снова, снова кидаться жилетами, прыгать и кричать команды. Кажется, остальные чувствуют то же самое.

Дома пью горячее молоко с мёдом, чтобы согреться и не заболеть. Долго отмокаю в ванне и ложусь спать, укутавшись в три одеяла. А вечером, захлебываясь в море эмоций, рассказываю Кате про замороженных цыплят в огромном бассейне.

18 марта 2008 г.

Пора сдаваться

Наконец, настает время итогового экзамена. Толпимся в узком коридоре учебного центра, донимаем друг друга волнующими вопросами, кто что выучил, кто что не понимает, изображаем работу огнетушителей и кислородных масок. Два месяца напряженной учёбы позади – нельзя в последний момент всё испортить, мы на финишной прямой. В голове проносятся зачёты и экзамены в институте и колледже, обе защиты дипломов, шпаргалки и бессонные ночи. Не думала, что придётся когда-то это повторить.

Конечно, мне жутко страшно, но всё же греет глупая гордость, что я всё выучила, помешать мне может только каверзный вопрос с подставой или волнение. Но, конечно, я не упускаю возможности поныть перед одноклассниками, что я боюсь и ничего не помню. Иногда мне на самом деле кажется, что я ничего не помню, от переживаний моё сознание даёт сбой, то и дело образуя провалы в памяти. Не завтра, не когда-нибудь, а именно сейчас тот самый момент, когда надо собраться и ничего не упустить. В такие ответственные моменты появляется ощущение нереальности происходящего, будто это репетиция, пробная версия, но никак не ТОТ САМЫЙ момент.

Моё время. Вытягиваю самый большой билет – обычно в длинных вопросах заложена половина ответа. Короткие вопросы почти всегда каверзные и подразумевают ответ на полчаса. Мне везёт – все вопросы мне знакомы и я не чувствую никакого подвоха. Выдаю информацию со скоростью пулемётной очереди. Хочется взять ещё один билет и снова, снова рассказывать. Вдруг они не поймут, что я всё знаю?! Это уже походит на паранойю, надо заставить себя замолчать и ждать оценки. Вопросов от комиссии почему-то нет. То ли я всё сказала не так, что нет даже смысла вставлять вопросы и комментарии, то ли не к чему придаться. Я настолько испугана, что не помню, что именно отвечала, слова сами по себе выливались из меня. За дверью меня терзают расспросами: «Ну, что тебе попало?!», а я на самом деле не помню.

Итоги нам объявят только в самом конце, когда все пройдут экзамен. Тем временем я пью какао, зачем-то снова просматриваю лекции, звоню маме, слоняюсь по коридору с отчаянным видом. И вот в дверях показывается преподаватель и громко зовёт: «Все заходите!». Измученная ожиданием толпа бежит в кабинет. В нашей группе две «тройки», это очень печально. Но хорошо, что они не мои.

У меня «отлично»! Камень с плеч. Я должна была это сделать, иначе зачем было приезжать. Хотя эти два месяца меня вымотали. Но впереди ещё стажёрские полёты, которые решат, буду ли я бортпроводником этой авиакомпании или же сдуюсь на последнем этапе. Говорят, многие понимали, что эта работа не для них уже непосредственно при практической работе на борту. Я ведь даже не знаю, как я переношу полёты. Я не представляю, что будет там, в небе. Вдруг, у меня будет кровь бить носом или случится приступ высотной болезни? Говорят, всякое бывает. Но мне не страшно, нет. Раньше надо было бояться, когда лежала в тёплой кровати после ночной смены и шарилась по сайтам авиакомпаний. У меня «отлично», ура!

* * *

Сегодня последний свободный день перед началом стажёрских полётов. В службе мы проходим инструктаж, расписываемся в кипе документов и решаем хоть как-то отметить этот день. Так как идей ни у кого нет, предлагаю посетить кинотеатр на Павелецкой. Вадим, староста нашей группы, поддерживает мою идею, и мы садимся в автобус до станции Домодедовская, а потом спускаемся в метро. По пути мы всей гурьбой фотографируемся у Дома Музыки, смеёмся, бегаем по мосту, как малые дети – это первый раз, когда Москва для нас – место отдыха. Экзамены за плечами, первая волна ужаса уже позади, впереди волнительное ожида-

ние первого рейса. А сегодня можно просто забыть о конструкции, технологии и конвенциях. Кино, попкорн, боевые друзья и целый день свободы.

01 апреля 2008 г.

Стажёрские полёты

Мой первый стажёрский полёт, курс на Одессу. Никогда не была на Украине, так что открытия происходят уже массово. Накануне я была на концерте группы «Аматори» в Лужниках, там меня зажали в толпе и сломали ребро. Сегодня от боли кое-как отскребаю себя от кровати, но это меня не останавливает, заворачиваю всю грудную клетку эластичным бинтом и еду на рейс. Хорошо, что на предполётном медосмотре не делают рентген.

Перед каждым рейсом проводится брифинг с дежурным инструктором, что-то вроде планёрки. Сегодня я впервые присутствую на нём, моя фамилия вписана в полётное задание и всё происходит всерьёз. Больше никаких муляжей, манекенов и пробных эвакуаций. И вот я, обычный человек, вдруг сижу здесь и заворуженно слушаю: «Стоянка у нас сегодня седьмая, на борту будет два инфанта». То есть две мамочки с младенцами. За окном светит солнце, люди сейчас едут на какую-нибудь работу, пьют кофе в офисах, а мы собираемся лететь. И это тоже работа.

Вместе с экипажем еду в автобусе по лётному полю к самолёту. Страшно волнуюсь и радуюсь – я среди настоящего экипажа! Напротив меня в автобусе даже сидит настоящий пилот с лётным чемоданчиком, в красивой отглаженной форме с четырьмя лычками на рукавах! Он улыбается, что-то рассказывает бортпроводникам, а я никак не могу поверить, что всё это происходит со мной. Я в обычном стажёрском чёрном костюме и белой рубашке, с гладко причёсанными волосами и строгим макияжем – наверное, стажёры всегда со стороны выглядят курьёзно, как ходячее наглядное пособие.

На время взлёта меня сажают на откидное кресло в кабине пилотов. Боль в ребре, ногах, шум в ушах, стук в сердце и полное непонимание, куда я попала. По моему выражению лица сразу понятно, что я нечастый пассажир. Лётчики смеются – стажёры, это всегда так мило. Напоминают, как пристегнуться на откидном кресле. Сразу после отрыва от земли самолёт высоко задирает нос, и я не вижу ничего, кроме неба. Захватывает дыхание, и я глупо улыбаюсь, не зная, что интереснее – наблюдать за работой пилотов, вспоминать конструкцию самолёта и рассматривать её в живую или смотреть в небесную глубину за окном. Через десять минут после взлёта я должна быть в салоне эконо-класса для начала работы. Но, засмотревшись в окно, я прихожу только через пятнадцать минут. На меня косо смотрят бортпроводники, но по моему виду понятно, что я в шоке. Ах да, тут ведь ещё и пассажиры есть. Надо, кстати, осмотреться на месте, как их эвакуировать, если что.

Они, бортпроводники, всё знают, всё делают быстро и без лишней суеты, как им это удаётся? А я с испуганными глазами думаю: «Что делать?!». Впервые выхожу в салон и с каменным от ужаса лицом спрашиваю: «Что желаете, сок, вода?». По реакции пассажиров понимаю, что, наверное, надо улыбнуться, иначе звучит угрожающе. Натянута улыбаюсь и вместо пассажиров смотрю в иллюминатор. Мы летим! Потрясающе. Между делом проливаю полстакана сока на колено пассажира и ударяюсь большим пальцем ноги о стопор телеги. Мысленно кричу себе: «Соберись!».

Рейс короткий, всего два часа в одну сторону, и бортпроводникам некогда комментировать для меня свои действия. Я просто смотрю и пытаюсь повторять, как они ловко гоняют телеги по салону, разливают по стаканам сок и воду, раздают подносы с питанием, потом всё это собирают, аккуратно, но быстро запихивают обратно в телеги, утилизируют пустые коробки из-под сока, что-то считают, записывают, завязывают пластиковые пломбы на телегах.

Перед посадкой меня снова отправляют в кабину пилотов. За окном густой туман, вот уж точно – не видно ничего дальше собственного носа. Точнее, носа самолёта. По разговору пилотов понимаю, что мы делаем второй круг над аэропортом, так как из-за тумана не видно ВПП (взлётно-посадочную полосу). Жутковато слышать такое на первом рейсе. У меня даже пере-

стаёт болеть ребро, и я невольно представляю, как меня опознают по описанным в моей лётной медицинской карточке татуировкам на теле. Стараюсь отбросить эти мысли и переключиться на конструкцию самолёта – так, вот та самая панель для связи с наземными службами, вот форточка, вспоминаю, как она открывается, вот огнетушитель, кислородный баллон... Шасси мягко касается земли. Лётчики совершенно спокойны, а у меня глаза по пять копеек, пульс бешено стучит. Мне аккуратно напоминают, что пора идти в салон. Провожаем пассажиров, и я вижу здание аэропорта, маленькое, симпатичное. Хочется визжать на весь самолёт: «Я первый раз в Одессе!», но в салоне творится уборка, перестановка кухонного оборудования, смена подголовников на креслах. Всем не до моих открытий. Думаю, на этом рейсе бортпроводники были не очень мной довольны. Да я и сама думала, что буду организованнее. Ну, что ж, первый блин как говорится... У меня ещё есть обратный рейс, чтобы реабилитироваться. Стоянка всего сорок минут, за это время салон снова чистый, всё готово к встрече пассажиров. Из всех сил пытаюсь уговорить перебивающие друг друга воспоминания о ходе эвакуации и думать только о том, что надо улыбаться проходящим в салон пассажирам. Обратный рейс идёт чуть спокойнее, я даже никого не обливаю.

Евгения, бывалый бортпроводник, немного рассказывает мне о работе в кухонной стойке, о том, как правильно принимать и сдавать питание, как заполнять накладную. Конечно, я мало что запоминаю, работы там много, а времени совсем мало. Но мне нравится сам принцип работы – всё четко, ясно, логично, для всего есть свои полочки, крепления. В самолёте нет ни одного ненужного элемента, в том числе в кухне – это удивительным образом сочетается с моим внутренним устройством, сознанием, как же хочется постоянно работать в стойке и выполнять этот ряд отработанных действий. Разве это не романтика – знать, что пока сотня людей летит из Одессы в Москву, у тебя в стойке происходит целая логическая цепь действий?! Это поразительно воодушевляет.

После рейса мы снова садимся в автобус и едем к зданию аэропорта, по пути лётчики говорят фактическое время полёта вперёд и назад (прямой и обратный рейс). При выходе из автобуса лётчики всегда выходят первыми и подают руки девушкам, это сначала непривычно, но так трогательно. Я представляю, как улыбаются проходящие мимо люди, наблюдая эту картину. В памяти всплывает момент из фильма «Поймай меня, если сможешь», когда ДиКаприо с толпой стюардесс в красивой голубой форме выходят из машины и радостно идут к зданию аэропорта. Должно быть, со стороны это всегда смотрится очень эффектно.

Дома с нетерпением в подробностях рассказываю Кате и Вове о том, как всё прошло. Если бы не их заинтересованные лица и смех, мне бы показалось, что всего этого на самом деле не было. Катя спрашивает меня: «Ну как, это то, чего ты хотела?». С минуту молчу, обдумываю, анализирую. Наверное, рано говорить об этом. Конечно, мне всё очень понравилось, но я должна стать из хорошего теоретика хорошим практиком, и тогда я точно скажу, моё это или нет. Пока я с напуганными глазами блуждаю по салону и обливаю пассажиров соком, сложно сказать, что я мечтала именно об этом. Да и когда срастется моё ребро, думаю, работа будет доставлять мне больше удовольствия. До следующего рейса есть немного времени, чтобы отлежаться и не шевелить без дела бедные кости.

03 апреля 2008 г.

* * *

Второй стажёрский рейс – Алматы. Он ощутимо дольше, чем Одесса, и это очень здорово, потому что я успеваю более-менее вникнуть в рабочий процесс без лишней паники. Девять часов и пять минут чисто лётного времени от взлёта до посадки прямого и обратного рейсов. Вторая запись в моём лётном блокноте.

Определённо, рано учиться улыбаться во время работы, но самое время, чтобы перестали трястись руки, достаточно и того, что временами трясёт самолёт. С интересом наблюдаю, как работают печки для разогрева бортового питания. Мне доверяют разложить лимоны по тарелочкам и налить кипятка в чайники. Это вам не муляжи в учебном классе опрокидывать! На рейсе вместе со мной ещё два стажёра, так что испуганных и заинтересованных глаз гораздо больше. Но от этого даже спокойнее – я не одна такая, можно осмотреться в салоне, пока пассажиры спят, полюбоваться ночным Казахстаном в иллюминатор. Крошечные человечки спят сейчас в этих игрушечных домах и не подозревают, что на них кто-то смотрит. Целый мир там, под моими ногами. Мне уже не так страшно. Кажется, я начинаю любить самолёты по настоящему.

Встречаю в службе ребят из своей группы, делимся впечатлениями, кто куда летал, на каком самолёте, какие были обязанности в рейсе. У всех лица светятся от радости – мы это сделали, мы летаем! Пусть, пока в обычном костюме, а не в лётной форме. В душе у нас полный переворот. Вид сверху, и правда, лучше!

05 апреля 2008 г.

* * *

С большой радостью узнаю, что мой третий рейс эстафетный, то есть экипаж остаётся в городе прилёта на отдых, а обратный рейс выполняет бригада, которая отдыхала в этом городе до нас. Итак, курс на Южно-Сахалинск! Летим на Боинге 767, в два раза больше самолёт, в два раза больше бригада, в два раза дольше лететь многообещающее начало! На прямом рейсе я впервые работаю в бизнес-классе, особая ответственность. Немного волнительно, никогда не знаешь, кто может оказаться среди пассажиров, надо не ударить в грязь лицом. К тому же фарфоровая посуда, настоящие стеклянные стаканы вместо пластиковых – всё это надо не разбить, даже если самолёт трясёт, множество правил обслуживания, приём заказов, как в ресторане – это здорово, но нужна практика. Помнится, я всегда хотела поработать официанткой, для общего развития, но не сложилось. Сейчас бы мне пригодился такой опыт.

Мы встречаем пассажиров, вешаем их одежду в шкаф. Я, само собой, забываю прикреплять к ней посадочные талоны и понятия не имею, где чья. Предлагаем шампанское, апельсиновый сок или воду, чтобы им было не скучно ожидать взлёта. Также нужно приготовить телеги с прессой – несколько пачек газет красиво разложить и потом раздать в салоне пассажирам. Здесь вроде нет особых трудностей, желательно только, чтобы хоть немного газет осталось для экономического класса. Потом меня отправляют в начало салона демонстрировать аварийно-спасательные средства перед взлётом. Обычно в этот момент самолёт уже начинает рулить к взлётно-посадочной полосе, и сохранять ровное вертикальное положение довольно сложно: шатает из стороны в сторону. С непривычки это, конечно, больше напоминает акробатический номер. Жилеты, ремни безопасности, инструкции... Кажется, на меня никто не смотрит. Как минимум, мы обязаны это делать, чтоб потом не говорили, что нас не учили. С нами летит инструктор, а значит, будет много вопросов к стажёрам и выставление оценок в специальный оценочный лист. Наконец, всё, что мы учили и записывали в тетрадки в учебных классах, можно увидеть, потрогать, вспомнить и рассказать, как работает, и это невероятно интересно. С умным видом стою в стойке бизнес-класса и объясняю, в каких частях самолёта расположены огнетушители, как они работают, где находится единственный на всём борту топор, как открыть дверь в «автомате», чтобы надулся трап-плот, как управлять освещением на борту. Мне бы хотелось рассказывать целый рейс, но у нас много и другой работы.

Записываю в блокнотик, что будут есть и пить «мои» пассажиры, не спеша разношу напитки и еду в красивой фирменной посуде, стараясь не пугать людей своим озадачен-

ным видом. Всё происходит так размеренно, вежливо, невозможно не получать удовольствие от такого обслуживания. У меня всего пять «своих» пассажиров, и можно уделить им куда больше внимания, чем до этого пассажирам в экономе. Да уж, определённо, работа здесь сильно отличается от работы в экономе – это как столовая и ресторан. Но всё же не будем забывать, что главная работа не в обслуживании пассажиров питанием. Хотя многие считают нас официантами на борту и это очень печально.

После ужина почти все пассажиры засыпают. Аккуратно закрываю шторы иллюминаторов по своей стороне борта, накрываю пледами сидящих на первых рядах, там особенно дует, так как вентиляция салона начинается с носа воздушного судна, убираю остатки посуды со столов. Мы с коллегами начинаем готовиться к завтраку, распаковываем замороженную еду, перекладываем чистую посуду поближе, раскладываем пирожные, поливаем их ванильным кремом с потрясающим запахом. В кухне много работы, но всё делается спокойно и слаженно. Наш инструктор – очень приятный, интеллигентный человек, при работе с ним не возникает паники, напротив, хочется перенимать его опыт и чётко выполнять задания. Судя по фамилии, он татарин, кто знает, может, тоже из Набережных Челнов? Но спрашивать об этом мне кажется неудобным.

Удивительно красиво начинает светать. Мы пролетели уже около трёх тысяч километров. Инструктор отправляет меня в кабину пилотов спросить, не хотят ли они чего-нибудь попить или попить. Спрашиваю, возвращаюсь в стойку, отношу им чай и любуюсь шикарным видом из окна. Капитан замечает, что я не могу оторваться, и разрешает мне присесть на несколько минут на откидное кресло. В кабине прохладно, слева ярко светит солнце, и капитан закрывает часть окна газетой. В этой маленькой комнатке так уютно, если говорить о ней как о рабочем кабинете, то лучшее место и представить сложно. Внизу ровно клубятся облака, такое ощущение, что мы плывем. Приборная панель переливается солнечными бликами, лётчики мирно беседуют. Хочется остановить это мгновение – не помню, когда мне последний раз было так. Благодарю капитана за эти незабываемые минуты созерцания и возвращаюсь в стойку.

После завтрака в салоне становится оживлённо, скоро мы прибываем на Сахалин. Мне так знакомо это чувство – когда после долгого пути тебя встречают родные... Когда в детстве мы ехали в Башкирию к бабушке и дедушке, приходилось терпеть мучительные дни в поезде, зато потом была радостная встреча, покрывающая все воспоминания о тяжёлом пути. Сейчас все эти люди тоже ждут встречи, смеются, общаются между собой. Я как будто жду вместе с ними. Но меня никто не ждёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.